

лишь фон, так сказать, второй план действия щемяще тревожен. Но поначалу это не так заметно. С фронта домой вернулся отец. Двое братьев-сорванцов, подрастувших без крепкой его руки, не желают его слушаться. И увеливают от работы по дому, и всячески демонстрируют свою независимость. Их сопротивление отцу остроумно, находчиво, блестяще. Мы смеемся, хотя уже понимаем, что перед нами драма. Драма безотцовщины и ранней, увя, слишком ранней взрослости ребят. Они уже знают, что такое мины и пороки, что такое смерть и похороны. Они видят горе во круг, но не воспринимают, не осознают его, ибо это пока единственная известная им норма жизни. Война есть война.

Вот он, болезненный нерв противоречия. Мы, читатели, знаем, как горько счастье этих

своими мыслями. Дубровин показывает его изнутри. Мы узнаем и о нелегком детстве Клементьева, и о том, как, сам того не замечая, он превратился в бездушного и черствого эгоиста. Мы и сочувствуем Клементьеву, и осуждаем его. Но вот о чем я подумал, размышляя о судьбе героя: окажись он в ситуации производственного конфликта (Клементьев — директор завода), и как знать, возможно, в этом случае писателю уже понадобился бы иной, сатирический угол зрения на его поступки.

Один человек в разных ипостасях... Вот чем интересны повороты, грани сквозной темы творчества Е. Дубровина. Писатель стремится исследовать ее всесторонне. Откуда в хорошем вроде бы человеке нехорошие черты? И можно ли их исправить? И как они будут проявляться в будущем? И как эта ржавчина появилась?

ничной гиперболы автор идет к неторопливому, подробному и «просторному» описанию, захватывая все более и более широкий круг проблем.

Отец и шестилетний Борис «сбегают» из города в лес, в заповедник. И несколько суток, проведенных в глуши, тишине, у реки и костра, властно востребуют очищения главного героя от мелочности, пошлости, суеты, из «никакого» превратят его в человека очень определенного, с ясной и внятной жизненной позицией, чувством его дадут полноценность и, наконец, заставят и ребенка принять первое в жизни самостоятельное, «взрослое» решение.

Неожиданно, словно даже удивляясь своей самобытности, отец начнет рассказывать сыну о детстве, прошедшем в годы войны в деревне, возле такой же реки, возле такого же леса. Он будет говорить о том, как нырял в смут, и плавать в реке, о том, как разжигал костер, и разжигать его, говорить о птицах и кормить с руки подбитую чайку. И все годы, отделяющие его от детства, будут им наконец осмыслены, естественно станут опытом, мудростью. И когда к его ночному костру подойдет незнакомый человек, он будет выслушивать его исповедь и отвечать ему откровенностью. И разговор их о смысле жизни не будет казаться странным или наивным — ночью у костра нельзя говорить иначе и о другом.

Но тут Евгений Дубровин прибегает к очень интересному приему. Суд над прожитым, вершит не сам герой — вершит его шестилетний ребенок. С наивной детской непосредственностью, которая есть не что иное, как беспощадная прямота, он раскрывает перед отцом механизм отношений в их семье: «Я жёнюсь на богатой. Это ты взял Маму бедную. Когда ты на ней женился, что за нее получил?.. Я жёнюсь на Мартышке. В нашем садике есть такая... Она знает как-то богатая... Вообще, мне не повезло — родители достались обыкновенные». Ошарашенный отец пытается возразить: «А по-моему, ты должен быть доволен своими родителями. Мать у тебя инженер-технолог...» И ответ Бориса: «Подумаешь, технолог... Сто десять рублей...»

Жизненная позиция ребенка — утирированная и в то же время очень точная модель жизни отца, кривое зеркало, в котором с ужасом узнает герой свои черты...

Ну, хорошо, на Бориса отрицательно влияло окружение, среда, вот и начал в нем складываться такой маленький самовлюбленный властелинчик. Закономерен вопрос: так, может быть, если уберечь ребенка от неблагоприятного влияния извне, он вырастет идеальным, вундеркиндом? Е. Дубровин исследует и этот вариант проблемы. Повесть так и названа — «Эксперимент «Идеальный человек»». Она о том, можно ли вырастить эталонного ребенка в условиях абсолютной стерильности, так сказать, в колбе — в изоляции от живой жизни. Этот вариант «воспитания» Е. Дубровин разоблачает в юмористической манере. И опять-таки вкус, чувство меры, творческая интуиция не подвели писателя в выборе жанровых средств. Действительно, возмись он всерьез рассуждать о возможностях стерильного метода воспитания — и пошла бы голая дидактика, пошли бы скучные выкладки из педагогических статей. А писатель легко и изящно, без издевки показывает всю несерьезность подобного подхода...

Да, сатирическая муза Евгения Дубровина в действительности добра. Очень добра. Писатель не отворачивается ни от одного из своих, пусть даже самых малопривлекательных персонажей. Он верит в лучшее, что в них есть, и сообщает эту веру нам. Его волнует, даст ли героям осознание прожитого толчок к переосмыслению и переделке себя, к изменению своего будущего.

Сергей
МИХАЛКОВ

РУБЕЖИ
ЗРЕЛОСТИ

САТИРА — НА БЛАГО...

ЛЮБЛЮ писателей, которые входят в литературу задиристо. Вообще де-бют должен быть заметным, запоминающимся. Ярким. Тогда освещен путь и для следующего шага. Первая верно взытая нота послужит камертоном всему дальнейшему творчеству.

Именно так, «камертоном», стартовал Евгений Дубровин. Помню, с каким азартом, что называется, на одном дыхании, я прочел первую его повесть «Грибы на асфальте». От нее буквально веяло свежестью озона — так необычно, интересно, молодо она была написана. Впрочем, наличие озона можно объяснить и тем, что в откровенно веселой атмосфере этого произведения нет-нет, да и сверкали молнии злой иронии, погромыживали громы едких сатирических обличений.

Да, повесть была злая. Но жанр «Грибы на асфальте» сам автор определил нетрадиционно: «повесть сатирическая с лирическим уклоном». Непривычным было и то, что злое и смешное это повествование в то же время подкупало трогательностью интонации, тонкостью любовных переживаний главного героя. Герой, от чьего имени велось повествование, был лириком, романтиком, почти поэтом! И именно ему доверил Е. Дубровин нести в произведении пафос разоблачения. Жанровые рамки чисто сатирического произведения оказались узки для решения задачи, которую ставил перед собой писатель: не просто высмеять, а объяснить, не просто отвергнуть, а исследовать... Два потока — лирический и сатирический — слились в один. Жанр вышел из свих берегов и стал полноводнее, богаче, сильнее.

Следом за «Грибами...» появился «Племеник гипнотизера» — тоже сатира. Казалось, стезя молодого писателя определена: знай разрабатывай открытую золотоносную жилу, а третья повесть Дубровина утала мои предположения. «Осианка», написанная в детективе, не была детективом, хотя ироническая интонация и юмор уже создавались необходимыми составляющими прозы Е. Дубровина. Во всех последующих произведениях он остался верен себе, своему сатирическому с лирическим уклоном. Однако соотношение этих двух начал в каждой вещи менялось. Более того, Дубровин продемонстрировал очень тонкое понимание всех оттенков смеха: от беззаботно-веселого — до горькой улыбки сквозь слезы. На примере творчества Дубровина видишь: смех помогает яснее увидеть и радость, и печаль. Палитра смеха способна передать все возможные оттенки человеческих чувств...

Читаешь повесть Е. Дубровина «В ожидании козы» и от души хочешь над приключениями ее героев. Пожалуй,

мальчишек, они сами этого не осознают. Значительно позже герой поймет, что не жестоки, а безмерно добры были его родители. Поймет, когда потеряет их.

Есть особенный род мужественности — когда о трагедии повествуют с улыбкой. Это не толстокожесть. И не слепота. Не стремление скрыть или забыть пережитое. Я думаю, это высшая мудрость и понимание. Юмор обладает поразительными целительными свойствами. Смотришь сквозь его магический кристалл, и горькое — не так горько, а страшное — не так страшно. «...Смех — признак победы», — говорил А. В. Луначарский.

И все же, каким чувством меры надо обладать, чтобы соединить, сплавить в одном произведении столь противоречивые амплитуды настроений!

Сегодня, зная почти все написанное Дубровиным, я могу признать, что мне никогда не удавалось угадать, о чем будет его следующая книга. Фантазия художника переносила читателя то в город, то в деревушку, то в заповедник, то на затерянный остров. И жанры писатель выбирал самые разные — бытовой реализм (скажем, в повести «Счастливая»), притчу (повесть «Билет на балкон»), детектив, о котором уже говорилось. А порой, словно по мановению руки фокусника, жанры эти перемещивались, рождался новый оригинальный сплав. Но постепенно я все же определил для себя то главное, что, на мой взгляд, объединяет произведения Е. Дубровина. Мне кажется, это интерес автора к «проблеме отрицательного героя». Писатель пытается разобраться, почему, в силу каких-либо обстоятельств человек может стать «подшефным» сатиры, объектом ее пристального внимания. Ведь не сразу, не вдруг происходит переорождение характера. В чем же причина?

Этот поиск причин писатель ведет и в вещах сатирических, и в вещах, отстоящих от юмора — таких, скажем, как повесть «Счастливая». Герой произведения Клементьев — в отпуске, наедине с собой и

Я думаю, именно отсюда, от попытки ответить на эти вопросы — такой пристальный интерес Е. Дубровина к детям, их психологии и мировоззрению, интерес, который характерен для последних книг писателя: романа «Глупая сказка», повести «Эксперимент «Идеальный человек»». В «Счастливей» конфликт между Клементьевым и сыном обозначен достаточно четко, но в развитии не показан: у автора иная цель — препарировать душу Клементьева. В «Глупой сказке» — куда более тщательное и подробное исследование темы «отцов и детей».

В семье, о которой рассказывает писатель, традиционные, никого не травмирующие скандалы, чередуются с никогда не утешающими перемириями. Здесь не может произойти ничего непредвиденного. Бабушка всегда будет пичкать любимого внука Бориса тортом и конфетами, шестилетний Борис на любое замечание будет отвечать односложным «ым» и угрожающе выставлять локоть. Мама будет ругать сына и тут же покупать ему новые и новые игрушки, ссориться с бабушкой из-за неправильного воспитания ребенка и тут же мириться с ней. Отец Бориса, от лица которого и ведется повествование — спортсмен, — будет всегда одинаково действовать в любой ситуации: «Я ухожу в спальню, ложусь на диван и продолжаю читать «Советский спорт»...».

Нелепость жизни, превращенной в бесконечное повторяемый ритуал, осознается в какой-то мере и самими героями. Но как раз в тот момент, когда и мы, читатели, понимаем невозможность развития или изменения отношений членов семьи, когда их сросшиеся с лицами маски уже начинают казаться назойливыми и неправдоподобными, автор ставит точку в конце этого отрезка романа.

Из каждодневной и обыденной герои переносятся им в обстановку особенную, исключительную, в которой и раскрывается их человеческая сущность. Обнаруживается главное. Новый пласт романа резко отделен от предыдущего стилистически: от легкой, иро-